

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-2-236-247

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ Ж.-Ж. РУССО НА ТВОРЧЕСТВО И. КАНТА

А.Ю. Шачина

Мурманский Арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, Россия, 183038

Статья показывает преемственность в развитии ключевых идей Ж.Ж. Руссо в творчестве И. Канта о сущности нравственности, ее соотношении с общественной моралью, природе нравственного чувства и роли нравственности для образования. Показаны основные достижения и ограниченность методологического подхода Ж.Ж. Руссо и те аспекты в его позиции, которые разработал Кант путем их диалектического отрицания с преемственным сохранением всего лучшего. Исследование предполагает анализ как первоисточников, так и критической литературы. Совершен синтез герменевтического и диалектического методов. Герменевтический метод позволяет понять системы Руссо и Канта в их целостности и в то же время указать на их наиболее значимые аспекты. Диалектический метод позволил вскрыть противоречия в идеях Руссо, благодаря чему стало возможным развитие данных идей Кантом, но уже на других основаниях. В статье обсуждается, каким образом Руссо повлиял на Канта в определении природы нравственности через определение сущности нравственного закона. При этом указано на различия в понимании нравственного чувства у Канта и Руссо: по Канту, оно имеет своим источником чистый практический разум, в то время как у Руссо — сострадание к человеческому роду (человеческую природу). Выводом к статье служит положение, что главные открытия Канта и в области теоретического, и в области практического разума были непосредственно подготовлены Руссо, но при этом Кант разрешил противоречия в позиции великого «гражданина Женевы».

Ключевые слова: теоретический разум, практический разум, нравственность, нравственное чувство, нравственный закон, образование, сострадание к человеческому роду, общественная мораль

В результате научно-технического прогресса на передний план вышли проблемы соотношения знаний и моральных ценностей. Проблемы нравственности продолжают при этом оставаться наиболее актуальными. В этой связи труды Жан-Жака Руссо (1712—1778) и Иммануила Канта (1724—1804) приобретают особенное значение.

Ж.-Ж. Руссо считается одним из основателей классической педагогики. Этот «гражданин Женевы», как он любил себя называть, определил мысли и чувства своей эпохи. Он противопоставил времени, для которого были характерны придворные церемониалы, изысканные манеры и обывательская окостенелость, времени веры в разум и науку, свое «Евангелие природы». Сегодня его называют одним из крупнейших политических и философских мыслителей XVIII века.

Произведения Руссо оказали огромное влияние на молодого И. Канта, будущего великого классика немецкой и мировой философии. Это является неоспоримым фактом как в интеллектуальной биографии последнего, так и в истории философской мысли в целом. В результате проводившихся до настоящего времени

исследований были выявлены следующие основания для признания этого влияния неоспоримым: во-первых, об этом убедительно свидетельствует большое количество литературы (Клаус Райх, Маттиас Менн, Эрнст Кассирер, Иозеф Шмукер, Трауготт Штаубер, Иозеф Раттнер, Дитер Штурма, Арсений Гулыга и другие [5. С. 13]); во-вторых, сам Кант неоднократно говорил об этом влиянии; в-третьих, известная связь между мыслителями проявляется в области философии истории. Кант теоретически осмыслил идеи Руссо и увидел в нем того, кто обладал новым пониманием содержания и задач философии, ее назначения и ее достоинства.

При этом следует отметить, что характеры, образ жизни, образование обоих мыслителей были совершенно различны. Достаточно одного взгляда, чтобы понять полную противоположность их личностей. У Канта правило, «метод» образуют оживляющий и вдохновляющий принцип. Руссо же тщетно стремится к тому, чтобы организовать по плану и подчинить какому-либо правилу свою жизнь — она у него была подвержена постоянным изменениям. Он также не был таким аналитиком понятий, как Кант, и никогда не оставался в рамках строгой философской системы, как мы это можем наблюдать у знаменитого кёнигсбергского мыслителя. Однако, будучи образцом пунктуальности и сверяя свой распорядок жизни по часам, Кант однажды прервал свои регулярные прогулки ради чтения работы Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762). Другим свидетельством почитания им личности Руссо был его портрет как единственное украшение в рабочем кабинете Канта [См.: 1].

Высказывания Канта во «Фрагментах к наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного» (1764—1765) показывают, что чтение произведений Руссо, особенно «Эмиля», произвело на него глубокое впечатление. Кант хвалит его во «Фрагментах» за красоту выражений и колдовскую силу убеждения, воодушевление гения и преисполненную чувств душу, проницательность духа и очевидный талант [См.: 10].

В качестве доказательства того, что Кант хорошо знал основные труды Руссо, Т. Штаубер, например, приводит следующую цитату философа: «В своих сочинениях о влиянии наук и неравенстве людей он совершенно правильно показывает неизбежный спор культуры с природой человечества как физического рода, в котором каждый индивидум должен достигнуть своего абсолютного назначения. В своем „Эмиле“, „Общественном договоре“ и других произведениях он снова ищет способы решения этой трудной проблемы: как должна идти вперед культура, чтобы развивать при этом способности человечества как нравственного рода соответственно его назначению таким образом, чтобы это больше не вступало с ним в спор как с родом моральным» [15. S. 291].

У известного ученика Канта Гердера также имеются важные замечания по поводу влияния Руссо на его учителя: «С таким же воодушевлением, с которым он анализировал Лейбница, Вольфа, Баумгартена, Крузия, Юма и изучал природные законы Кеплера, Ньютона, физиков, он также воспринимал появившиеся тогда сочинения Руссо, его „Эмиля“ и его „Элоизу“ в качестве становившихся ему известными открытий в природе, высоко оценивал их и снова и снова возвращался к объективному знанию о природе и моральной ценности человека» [Цит. по: 10].

Другое свидетельство влияния Руссо на Канта следует из высказывания самого Канта во «Фрагментах», которое на сегодняшний день является часто и охотно цитируемым многими авторами: «Я сам по своей склонности исследователь. Я испытываю огромную жажду к познанию и жадное стремление продвигаться в этом дальше или также удовлетворение при каждом достижении. Было время, когда я верил, что все это одно может сделать честь человечеству, и презирал чернь, которая ни о чем не знает. Руссо исправил меня. Это ослепляющее превосходство исчезает, я учусь уважать людей, и я нашел бы себя бесполезнее чернорабочего, если бы я не верил, что эти наблюдения могут иметь ценность, как и все остальные, устанавливая права человечества» [Цит. по: 9. S. 160—161]. Из этих слов следует, что Руссо показал Канту односторонность естественнонаучного образования, исключаящего человека. Руссо стал для него Ньютоном в области антропологии и этики — тот открыл закономерности физического мира, этот — мира морального. Можно также не без основания утверждать, что он пробудил его социальное сознание.

Дитер Штурма отмечает, что Кант в «Критике чистого разума» (1781) сформулировал основные принципы мышления, огромная ценность открытия которых не подлежала сомнению и состояла в направленности сознания человека на себя, на структуру своего познания и деятельности. Это основное произведение Канта, по утверждению современников, также не осталось без влияния Руссо. Так, знаменитый анализ самосознания в «Критике чистого разума» восходит к открытию Руссо структуры суждений самосознания [16. S. 187].

Кант много раз брал Руссо под свою защиту от упреков в его противоречивости. Это следует объяснить тем, что Кант понимал Руссо лучше, чем те, кто, по словам Канта, стали жертвами своих собственных заблуждений. Для основателя немецкой классической философии Руссо был в первую очередь не тем, кто восстановил права чувств, не апостолом сентиментальности, а тем, кто восстановил права человечества. В его восприятии Руссо — не фантаст, а энтузиаст, без энтузиазма же, с его точки зрения, никогда и ничего еще не было создано в мире.

При этом следует отметить, что он не хотел попасть в плен очарования, которое на него оказывал Руссо. Так, Э. Кассирер писал, что не очарование или умиление искал Кант в его произведениях, а интеллектуальное и нравственное решение, в котором он чувствовал призвание и обязанность: «Я должен читать Руссо так долго, — писал Кант, — пока мне больше совсем не будет мешать его красноречие, и только тогда я смогу понять его разумом» [Цит. по: 7. S. 8].

Вышеизложенное показывает, что Кант учитывал позицию Руссо в своих научных трудах. Но он никогда не был зависим от какой-либо чужой системы, его образ мыслей был всегда критическим. Исходя из объективного положения дел, как он его понимал, Кант либо соглашался с Руссо, либо отклонял его идеи, либо их развивал.

Руссо обратил внимание Канта на вред, причиняемый жизни в существующих рамках культуры, и одновременно указал ему путь к справедливому и правильному суждению. Другой вред вытекает из переоценки роли искусства и науки

в современном обществе. Кант считал, что при таком положении дел каждый старается создать видимость, будто он ими владеет. Философы согласны друг с другом в том, что в естественных простых отношениях меньше или совсем нет поводов для болезненных преувеличений и заблуждений, которые формирует в большой степени интеллектуальное образование.

Здесь Кант развивает мысли Руссо. Он придерживается мнения, что все способности и силы человека повелительно требуют своего развития. Он также признает пользу искусств и наук. По Канту, Руссо был прав в том, что, хотя происхождение искусств и наук не было хорошим и достойным похвалы (так как их источник — взаимное соперничество людей и культивация неестественных потребностей), тем не менее, в своих действиях они все-таки хороши, ведь они делают человека умнее и умереннее, развивают его нравственность и придают его жизни новое очарование.

Оба философа также едины в том, что такие искусственные образования, как человеческое общество, воспитание и культура, должны быть улучшены через совершенное искусство таким образом, чтобы естественные задатки в человеке указывали на нравственную цель и не находились с ней больше в противоречии. Выход из нерегулируемого законами состояния дикости — это для Канта требование практического разума; правовое устройство государства и союз народов в глобальном масштабе являются для него конечными целями развития природы и человечества и одновременно также абсолютными требованиями практического разума как высшего морального законодательного органа. В этом смысле Кант совершенно правильно интерпретировал идеи Руссо: мы не должны возвращаться в леса, а только оглядываться на свои истоки. Таким образом мы, по Канту, в равной мере узнаём достоинства и недостатки естественного состояния и сможем судить о них как о хороших и плохих сторонах нашей нравственной конституции.

Э. Кассирер указывает на преимущество в отношении Руссо — Кант: «Так, Кант никогда не расценивает понятия „*homo naturel*“ в чисто физическом или историческом смысле, но только в этическом и теологическом. Действительно постоянным в человеческой природе было для него не состояние, которое она однажды обрела, и которому она изменила, но то, для чего и зачем она существует. Это — константа не бытия, а долженствования. И Кант восхваляет этику Руссо за то, что благодаря последней за всеми искажениями и условностями, которые человек себе создал и которые были присущи ему в течение истории, Руссо снова увидел „настоящего человека“, т.е. реабилитировал его неизменную задачу. По этому пути, проторенном Руссо, Кант хотел идти дальше и пытался пройти его до конца» [7. S. 22].

В дискуссии по проблеме отношения Канта к Руссо в области моральной философии М. Менн и К. Райх в конце XIX — начале XX веков выразили точку зрения, согласно которой кантовское учение о морали наряду с другими положениями его критической философии в целом образовало определенную оппозицию по отношению к точке зрения Руссо. Оба мыслителя искали чисто человеческое, оба нашли его в области нравственности. Но источник морального закона у Руссо —

чувство, у Канта — разум человека. Происходящий из разума нравственный императив, по Канту, внушает человеку чувство уважения. Итак, для первого чувство — источник и причина морального закона, для другого — его следствие.

Руссо искал нравственное в мире сердца и духа. Все, о чем наше чувство говорит, что это — плохо, по его убеждению, действительно плохо; все, что наше чувство называет хорошим, таким образом, на самом деле хорошо. Его роман «Новая Элоиза» имеет целью показать, что преисполненное любовью к добродетели сердце преодолевает все даже самые большие искушения и выполняет свой долг, что оно даже при временных заблуждениях все-таки остается хорошим и неизменно снова находит правильный путь.

Далее подчеркивается, что Кант сначала тоже искал основы нравственности в чувстве и объяснял ее высший основной закон как недоказуемый. Но подобное объяснение не могло удовлетворять Канта на протяжении длительного времени. Так, гипотезе Руссо о безграничной доброте человеческого сердца он противопоставляет свое учение о радикальном зле в человеческой природе. Кроме уважения к моральному закону или доброй воли, в людях еще есть характерные для всех них склонности. Если человек позволяет последним руководить собой, то он зол. Если Руссо находит утверждаемое благонравие человеческой природы в так называемом природном состоянии, то Кант указывает ему на непривлекательные и совершенно бесполезные проявления грубости и варварства, которые характерны для первобытных народов.

Руссо полагал, что напрасно пытаться искать обоснование добродетели только лишь в разуме. Но это как раз и является характерным признаком нравственного учения Канта, ведь он считает возможным обосновать возникновение нравственности исключительно из разума человека. Он отвергает всякое эмпирическое основание для своей морали, он хочет сделать ее совершенно независимой, для нее нет опоры ни в небе, ни на Земле, но есть только лишь в разуме человека. Кроме того, разум обладает также способностью выполнять законы, которые он сам себе предписывает, то есть он наделен не только законодательной, но также и практической способностью. В связи с этим М. Менн и К. Райх приходят к заключению, что моральное учение Канта является, в отличие от Руссо, чисто интеллектуальным.

Здесь важно упомянуть, что Руссо действительно был для Канта примером как учитель моральной антропологии и этики. Но, по его мнению, принцип научного и философского основания этики нужно искать «не в красоте чувства» (при этом он никогда не отклонял идеала прекрасной души), но в «величии воли». Антропология определяется им как эмпирическая часть этики, а собственно мораль — как рациональная. В педагогической адаптации своих открытий в областях этики и антропологии Кант видел способ воспитания гармонично развитой личности; при этом в учении Канта ведущая роль в нравственном воспитании отводится рациональной этике.

Из вышеизложенного можно заключить, что хотя оба философа были едины в первой части учения о нравственности, но Кант идет дальше, открыв категорический императив. Но и здесь он находится под влиянием Руссо.

Современные исследователи творчества И. Канта И. Шмукер и Д. Генрих на основе анализа кантовских «Фрагментов» выдвинули тезис, который поддерживает и развивает Р.Л. Велклей, что первая из «коперниканских революций» Канта произошла в середине 60-х годов XVIII века, когда Кант сделал открытие нового морального принципа самозакондательной воли. Основой морального самосознания является присущий разуму закон, который он дает себе сам, точнее, закон, данный объективным, существующим независимо от нас *a priori* или Божественным, источником. Эта концепция, безусловно, перекликается с идеей Руссо о всеобщей воле (*volonte' ge'ne'rale*). Поэтому можно утверждать, что Кант пришел к понятиям философии морали раньше, чем к постулатам теоретической критики, и показал, что этика Руссо содержит элементы рационализма [17. P. 182].

Э. Кассирер в своем произведении «Руссо, Кант, Гёте» также анализирует взаимосвязь идеи всеобщей воли Руссо и нравственного императива Канта: «Руководящий принцип кантовской этики, основной закон чистого практического разума: „Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства“ совпадает с тем, что Руссо определил как действительно основополагающий принцип каждого законного общественного порядка. И мы можем предполагать, что Руссо не только оказал влияние на содержание и последовательное развитие понятий этики Канта, но также и то, что он определил ее язык и стиль изложения. Это становится особенно очевидно во второй формулировке „категорического императива“, которую Кант предложил в „Основах метафизики нравственности“: „Поступай так, чтобы обращаться с человечеством либо в своем собственном лице, либо в лице других как с целью, и никогда — только как со средством“. Если в первой формулировке категорического императива, где подчеркивается значение всеобщего законодательства, мы узнаем политического теоретика, философа *volonte' ge'ne'rale* Руссо, то вторая формулировка возвращает нас к основным идеям теории воспитания Руссо» [7. S. 33—34].

Д. Штурма признает этику Руссо также как рациональную. Исходя из понятий «совесть» и «практический разум», Руссо развивает концепцию нравственного образа жизни, которую он обобщил в конце «Эмилия» как завершающее напутствие наставника воспитаннику: «Итак, кто такой добродетельный человек? Это — тот, кто способен преодолеть свои склонности. Так как он следует своему разуму, своей совести, он выполняет свой долг, он содержит себя в порядке, от которого его ничто не может отвлечь. До сих пор тебе только казалось, что ты свободен; у тебя была лишь неуверенная свобода раба, которому ничего не приказали. Теперь будь свободен на самом деле, учись стать своим собственным господином, повелевай своему сердцу, ... и ты станешь добродетельным. Краткая формула морали Руссо призывает к совести, разуму, долгу. Это ведет к разработке основ этики автономии. Менее чем через четверть столетия Кант систематизировал этику автономии. Ее необходимые элементы мы находим уже в советах Руссо по вопросам нравственного воспитания: свобода — это не отсутствие внешнего принуж-

дения, но она проявляется лишь в долге как моральном самоопределении человека. Тот, кто научился распознавать свое сердце по мерилам нравственных оснований, может считаться свободным» [16. S. 113].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что этические системы Руссо и Канта различны, но взаимосвязанны. Последняя, конечно, более строго выдержана, но автор «Эмиля» повлиял на обе ее части — как на антропологию, так и на рациональную этику — обеспечил их многими важными идеями, которые получили свое дальнейшее развитие в философии кенигсбергского мыслителя.

Знаменательно также, что постулаты практического разума — Бог, свобода и бессмертие — образуют три предмета веры также и в работах Руссо [16. S. 187].

Религия Руссо — это религия свободы, она и содержит ее характерные и определяющие черты. Собственно говоря, здесь речь в первую очередь идет о рационализме. Самые достоверные и возвышенные мысли, которые мы можем постигнуть, исходят из самого разума и только из него одного. Следуя его учению, человек сам должен искать путь к Богу и сам — его пройти. Поэтому раз и навсегда нужно отказаться от каких бы то ни было предписаний. Тому, кто не в состоянии осознать себя как свободное существо, закрыт любой доступ к Богу. Руссо находит первоначальный источник религии в совести, которая наряду со свободой является подлинным медиумом между человеком и Богом. Для Руссо, как и для Канта, было очевидным, что единственной из всех теологий, которая может быть признана, является теология этики. Под влиянием учения Руссо Кант делает нравственный долг опорой и фундаментом религиозного сознания, вместо того чтобы основывать первое на последнем, и утверждает в «Метафизике нравов», что первый и самый необходимый инструмент учения о добродетели — это моральный катехизис, который должен предшествовать катехизису религиозному [3. С. 879].

В своих педагогических взглядах Кант также зависел от Руссо, вместе с ним он был убежден в большой важности воспитания. Несмотря на то, что он был так вдохновлен романом «Эмиль», что боялся остаться необъективным в своей оценке, ему все-таки удалось установить по отношению к нему некую дистанцию. Он отмечал, что метод Руссо был «синтетическим», и он «исходил из природного человека», в то время как Кант исходил из «нравственного», и его метод был «аналитическим» [11. S. 9]. Несмотря на это, «Эмиль» всегда оставался его любимым произведением.

Кант в своих педагогических идеях стремится разрешить сложную проблему: как объединить в воспитании принуждение и свободу. Принуждение, по его мнению, необходимо, и его следует применять на самых ранних этапах воспитания человека. Он упрекает Руссо за его мнение, что принуждением якобы уничтожается благородная тяга к свободе. Однако он полагает, что Руссо прав в том отношении, что из живого мальчика скорее выйдет хороший мужчина, чем из всезнающего выскочки. Здесь следует подчеркнуть, что воспитание должно избегать опасности превратиться в дрессировку, так как дрессируют животных, а люди

должны учиться думать. В результате педагогического воздействия единственным принуждением к правильному поступку должен стать долг.

Относительно религиозного воспитания мнения обоих совпали в том, что религиозное образование будет последним, что должно сообщаться ребенку. В семейных отношениях, однако, невозможно избежать того, что дети становятся свидетелями почитания Бога взрослыми, поэтому религиозное обучение надо начинать раньше, но при этом нельзя забывать, что человек должен прийти к вере естественным путем. Это осуществляется сначала моральными предписаниями, а затем, как уже было сказано ранее, должны следовать в более узком смысле религиозные.

Но особенно Кант был единомышленником Руссо по вопросам физического воспитания.

С точки зрения Канта, книга Руссо «Эмиль, или О воспитании» не только помогает воспитанию молодежи, но и способствует улучшению взрослых. Однако Кант ограничивает воспитание 16-ю годами, в то время как Руссо делает воспитателя постоянным наставником Эмиля до 25-ти лет. Это, как замечает Кант, неестественно. Но оба находят положительным то, что человек (т.е. воспитатель Эмиля) посвящает всю свою жизнь тому, чтобы учить жить других (или даже одного другого — конкретного воспитанника). Исходя из этого, Кант рекомендует проводить воспитание не на природе, а в общественных школах, где учителями должны стать Эмили. В дополнение к этому Кант рекомендует сельским наставникам организовать такой процесс образования для своих и соседских детей. Впрочем, Кант не считает, что Руссо решил все вопросы воспитания, указывая на «еще неоткрытую тайну воспитания» [См.: 10].

Из рецензий и сочинений, посвященных филантропину — организованному в 1776—1778 гг. немецким педагогом Базедовым «заведению друзей человечества», также следует то, что Кант симпатизировал педагогическим предложениям Руссо [См.: 10].

Базедов предпринял попытку реализовать идеи Канта на практике. Понятно, что это не могло не привлечь внимание Канта и не встретить его одобрения. Кант, совершенно в смысле Руссо, указывает на то, что для школ до того дня были присущи характерные ошибки, что они работали против природы ребенка. Напротив, Руссо и Базедов исходили из самой природы ребенка и призывали добиваться кардинального переворота в воспитании (так как только школьной реформы было недостаточно). В филантропине Кант видел не просто воспитательное учреждение, но питомник для Эмилей, которые должны были в будущем стать учителями, чтобы повсюду распространять природосообразное воспитание.

Осознание взаимосвязи между воспитанием и эволюцией человечества было у Канта таким же живым, как у Базедова и его приверженцев. Он считал воспитание двигателем культурного прогресса, определяющей силой в отношении нравственности как отдельной личности, так и общества в целом. Это выражено уже во Введении к трактату «О педагогике», в котором Кант изложил свое воспита-

тельное кредо: «Человек — единственное существо, которое должно быть воспитываемо... Человек может стать человеком только через воспитание. Он является не чем иным, как тем, что делает из него воспитание... Возможно, что воспитание будет становиться все лучше, и каждое последующее поколение будет делать шаг вперед к совершенству человечества... С этих пор это стало возможным. Только теперь начинают правильно судить о том и ясно представлять себе, что, собственно говоря, относится к хорошему воспитанию. Восхитительно представлять себе, что человеческая природа будет развиваться к лучшему, и ее можно привести в форму, которая соответствует человечеству. Это открывает нам путеводитель к будущему счастливому человеческому роду» [Цит. по: 11. S. 80—81; ср.: 4. С. 444—448]. Мыслям Канта Руссо не стал бы противоречить.

При этом Кант подчеркивает, что ребенок с момента рождения наделен задатками личности, однако не является определенным нравственным существом. Ребенок должен для этого быть дисциплинирован, познакомиться с тем, что такое право, обрести под руководством взрослых знание о мире предметов и мире людей, научиться общаться и жить среди людей, а главное стать обладателем доброго характера (то есть действовать согласно максимам, проверяя их на соответствие требованию нравственного закона, категорического императива). Человек должен развивать свои задатки к нравственности, совершенствовать себя. Кант согласен с Руссо, что культура не может и не должна быть источником счастья, если она не станет той ареной, где человек доказывает и испытывает свою свободу. Кант примиряет развитие научно-технического прогресса и прогресса в сфере искусств с правом человека на свободу с возможностью реализации человечности в человечестве, с человеческим достоинством.

Здесь представляется необходимым отметить, что традиционно в сообществе исследователей творчества Канта цитируемый нами трактат «О Педагогике» не считают за аутентичное произведение великого философа, а приписывают авторство издателю данного произведения Теодору Ринку. Однако известный немецкий педагог О.Ф. Больнов в своей посвященной памяти Канта речи не выражает ни малейшего сомнения, что последний есть автор данного произведения. Он исходит из того, что трактат вышел незадолго до смерти философа в 1803 г. и Ринк получил на то его одобрение. Это утверждение теперь, конечно, нельзя стопроцентно подтвердить или опровергнуть, известно только, что Кант к тому времени был настолько болен, что не мог адекватно судить о содержании обсуждаемого трактата. Другой исследователь Т. Вайскопф и некоторые другие, как и сам Ринк в предисловии к трактату, утверждают, что издатель переработал записки Канта к лекциям Канта по педагогике, которые философ читал в зимнем семестре 1776/77 уч. г. и в последующем летнем семестре, по своему усмотрению и внес стилистические изменения. Автор статьи присоединяется к убеждению Петера Каудера и Робинзона дос Сантоса в том, что Вайскопфу не удалось представить трактат Канта «О педагогике» как совершенно неаутентичный. Во многих частях текста присутствует «дух Канта». Для исследователей педагогической мысли

Канта представляют ценность также лекции по антропологии, которые записывались с его слов студентами и были обнаружены в архивах, а теперь изданы в Германии в рамках академического издания его произведений [6. С. 123].

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на определенные разногласия, встречающиеся у великих мыслителей, Руссо стал для Канта своего рода Сократом, благодаря которому человек раз и навсегда становится в центр его внимания. Их философские произведения педагогичны, побуждают к самостоятельному мышлению, а педагогические сочинения в высшей степени философичны. Их идеи дали мощный импульс для развития педагогической теории, сделали возможным систематизировать науку о воспитании, были реализованы в практике великих педагогов и также актуальны и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гулыга, Арсений*. Кант. М.: Молодая гвардия, 1977.
- [2] *Кант, Иммануил*. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 2002. 472 с.
- [3] *Кант, Иммануил*. Метафизика нравов // Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 563—909.
- [4] *Кант, Иммануил*. О педагогике // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 445—504.
- [5] *Шачина А.Ю.* Идеи нравственного воспитания в рациональной этике И. Канта. Мурманск: МГПУ, 2009.
- [6] *Шачина А.Ю.* Цель и задачи педагогической науки в философско-педагогическом наследии И. Канта // Педагогика: Научно-теоретический журнал. № 6. М., 2013. С. 119—126.
- [7] *Cassirer, Ernst*. Rousseau, Kant, Goethe. Hamburg: Meiner, 1991.
- [8] *Hansman, Otto*. Der pädagogische Rousseau. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1993.
- [9] *Kühn, Manfred*. Kant. Eine Biographie. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2003.
- [10] *Menn, Mattihas*. Immanuel Kants Stellung zu Jean Jacques Rousseau / Inaugural-Dissertation zur Erlangung der philosophischen Doktorwürde. Freiburg i. B.: Fr. Wagner'sche Buchdruckerei, 1894.
- [11] *Rattner, Josef*. Grosse Pädagogen: Erasmus — Vives — Montaigne — Comenius — Locke — Rousseau — Kant — Salzmann — Pestalozzi — Jean-Paul — Goethe — Herbart — Fröbel — Kerschensteiner — Aichhorn. München/Basel: Ernst Reinhard Verlag, 1959.
- [12] *Reich, Klaus*. Rousseau und Kant. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr <Paul Siebeck>, 1936.
- [13] Rousseau und die deutsche Romantik: Neue deutsche Forschungen / Hrsg. von Dr. Rudolf Buck. Berlin: Yunker u. Dünnhaupt Verlag, 1939.
- [14] *Schmidt, Raymund*. Immanuel Kant: Die drei Kritiken in ihrem Zusammenhang mit dem Gesamtwerk. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1975.
- [15] *Stauber, Traugott*. Die Volkssouveränitätslehre Kants im Rahmen seines Staatsdenkens: Das Problem der Volksherrschaft bei den großen politischen Denkern von der Antike bis zu Rousseau und Kant / Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie, vorgelegt der Philosophisch-Historischen Fakultät der Universität Basel. Zürich/Clausthal-Zellerfeld (BRD): Bönecke-Druck, 1979.
- [16] *Sturma, Dieter*. Jean-Jacques Rousseau. München: Beck, 2001.
- [17] *Velkley Richard L.* Freedom, teleologie and justification of reason: On the philosophical importance of Kant's Rousseauian turn // Rousseau in Deutschland. Neue Beiträge zur Erforschung seiner Rezeption / Hrsg. von Herbart Jaumann. Berlin / New York: Walter de Gruyter Verlag, 1995.

THE PROBLEM OF J.-J. ROUSSEAU'S INFLUENCE ON THE I. KANT'S CREATIVE WORK

A.Ju. Shachina

Murmansk Arctic State University
Kapitana Jegorova Str., 15, Murmansk, Russia 183038

Abstract. The article shows the continuity in the development of key ideas J.J. Rousseau in the works of Immanuel Kant on the nature of morality and its relation to public morality, the nature of the moral sense and the role of ethics for education. It is shown the main achievements and limitations of the methodological approach by J.J. Rousseau and those aspects of his position that I. Kant developed by their dialectical negation with preservation of the continuity of all the best. Our research involves analysis of primary sources and critical literature. The dialectical method synthesized with the hermeneutical method. The hermeneutical method allows us to understand the system of Rousseau and Kant in their entirety and at the same time to point out the most significant aspects of these theoretical systems. The dialectical method revealed contradictions in the ideas of Rousseau, which prompted Kant to continue these ideas, but already on other grounds. The article discusses how Rousseau influenced Kant in determining the nature of morality through the definition of the essence of the moral law. But at the same time the article shows the differences in the understanding of the moral feeling in Kant and Rousseau: according to Kant, it has its source in pure practical reason, while, according to Rousseau, moral feeling has its source in compassion to the human race (human nature). The conclusion to the article is the statement that major discoveries of Kant in the fields of theoretical reason and of practical reasons were directly prepared by Rousseau, but Kant resolve the contradictions in the attitude of the great “citizen of Geneva”.

Key words: theoretical reason, practical reason, morality, moral sense, moral law, education, compassion for the human race, public morality

REFERENCES

- [1] Guliga, Arsenij. Immanuel Kant. Moskow: „Molodaja gvardija“, 1977. (In Russ.)
- [2] Kant, Immanuel. Antropologija s pragmaticheskoj točki srenija. Saint Petersburg: „Nauka“, 2002. (In Russ.)
- [3] Kant, Immanuel. Metafizika npravov. In: Kant, Immanuel. *Osnovi metafiziki npravstvennosti*. Moscow: “Misl”, 1999, p. 563—909. (In Russ.)
- [4] Kant, Immanuel. O pedagogike. In: Kant, Immanuel. *Traktati i pis'ma*. Moscow: Nauka”, 1980, p. 445—504. (In Russ.)
- [5] Shachina, A.Ju. Idei npravstvennogo vospitaniya v rational'nij etike Immanuela Kanta. Murmansk: Univ. Publishing House, 2009. (In Russ.)
- [6] Shachina, A.Ju. Tsel' i sadachi pedagogicheskoj nauki v filosofsko-pedagogicheskom nasledii I. Kanta. In: *Pedagogika*. 2013 (6), p. 119—126. (In Russ.)
- [7] Cassirer, Ernst. Rousseau, Kant, Goethe. Hamburg: Meiner, 1991. (In Germ.)
- [8] Hansman, Otto. Der pädagogische Rousseau. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1993. (In Germ.)
- [9] Kühn, Manfred. Kant. Eine Biographie. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2003. (In Germ.)
- [10] Menn, Mattihias. Immanuel Kants Stellung zu Jean Jacques Rousseau. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der philosophischen Doktorwürde. Freiburg i. B.: Fr. Wagner'sche Buchdruckerei, 1894. (In Germ.)
- [11] Rattner, Josef. Grosse Pädagogen: Erasmus — Vives — Montaigne — Comenius — Locke — Rousseau — Kant — Salzmann — Pestalozzi — Jean-Paul — Goethe — Herbart — Fröbel — Kerschensteiner — Aichhorn. München/Basel: Ernst Reinhard Verlag, 1959. (In Germ.)

- [12] Reich, Klaus. Rousseau und Kant. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr <Paul Siebeck>, 1936. (In Germ.)
- [13] Rousseau und die deutsche Romantik: Neue deutsche Forschungen. Hrsg. von Dr. Rudolf Buck. Berlin: Yunker u. Dünnhaupt Verlag, 1939. (In Germ.)
- [14] Schmidt, Raymund. Immanuel Kant: Die drei Kritiken in ihrem Zusammenhang mit dem Gesamtwerk. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1975. (In Germ.)
- [15] Stauber, Traugott. Die Volkssouverinitätslehre Kants im Rahmen seines Staatsdenkens: Das Problem der Volksherrschaft bei den großen politischen Denkern von der Antike bis zu Rousseau und Kant. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie, vorgelegt der Philosophisch-Historischen Fakultät der Universität Basel. Zürich/Clausthal-Zellerfeld (BRD): Bönecke-Druck, 1979. (In Germ.)
- [16] Sturma, Dieter. Jean-Jacques Rousseau. München: Beck, 2001. (In Germ.)
- [17] Velkley Richard L. Freedom, teleologie and justification of reason: On the philosophical importance of Kant's Rousseauian turn. In: *Rousseau in Deutschland. Neue Beiträge zur Erforschung seiner Rezeption*. Hrsg. von Herbart Jaumann. Berlin/ New York: Walter de Gruyter Verlag, 1995.

Для цитирования:

Шачина А.Ю. К вопросу о влиянии Ж.-Ж. Руссо на творчество И. Канта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22. № 2. С. 236—247. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-2-236-247.

For citation:

Shachina, A.Ju. The problem of J.-J. Rousseau's influence on the I. Kant's creative work. *RUDN Journal of Philosophy*. 2018; 22 (2):236—247. doi: 10.22363/2313-2302-2018-22-2-236-247.

Сведения об авторе:

Шачина Анна Юрьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Мурманского Арктического государственного университета (e-mail: anna_shachina@mail.ru)